

Опубликовано в:

Беларусь і суседзі: шляхі, фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальных і міждзяржаўных адносін: зб. навук. арт. / рэдкал. Р.Р.Лазько (адк. рэд.) – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2014. Вып. 3. с. 180-185.

А.Д. Лебедев (УО «ГГУ им. Ф. Скорины»)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ КАТОЛИКОВ ГОМЕЛЬЩИНЫ 1920-1930-Х ГГ. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И УСТНЫМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ)

Религиозная жизнь католиков Гомельщины советского периода в последнее время активно освещается в научных статьях, монографиях, подборках документов и др. [1]. Однако источниковой базой для написания этих работ в большинстве случаев послужили материалы делопроизводства партийно-советских органов и периодической печати того времени. Многие материалы носят на себе отпечаток коммунистической идеологии и советской атеистической пропаганды. В связи с этим введение в научный оборот воспоминаний самих верующих Римско-католической церкви (РКЦ), позволяет взглянуть на исследуемую проблему не глазами работников Польского Бюро ЦК КП(б)Б, ГПУ-НКВД, а глазами простого прихожанина костела.

Эти воспоминания включают в себя материалы устного анкетирования, зафиксированного с сохранением аутентичной речи и особенностей местных диалектов, материалы устных опросов, зафиксированных без сохранения аутентичной речи и адаптированные к нормам современного белорусского либо русского языков, а так же воспоминания, записанные собственноручно, непосредственно свидетелями и участниками событий.

Как правило, респонденты – это жители Гомельской области, родившиеся в 1920-1930 – х гг. в населенных пунктах: Гомель, Дуброва, Замен-Рыня (Жлобинский р-н), Грушевка (Наровлянский р-н), Подосовье, Дудичи, Рудня Нисимковичская (Чечерский р-н), Ходосовичи, Сеножатки (Рогачевский р-н), Забродье (Лельчицкий р-н), Любавин, Буда-Люшево (Буда-Кошелевский р-н), Маритон (Брагинский р-н), Рудня-Столбунская (Ветковский р-н), Беседы (Петриковский р-н) и др.

В своих воспоминаниях респонденты излагают информацию о событиях, свидетелями которых они были лично, а так же передают данные услышанные у родственников и соседей. Так же необходимо учитывать и, то обстоятельство, что в большинстве случаев описанные события являются детскими воспоминаниями респондентов.

По вероисповеданию абсолютное большинство опрошенных – это католики, и лишь несколько человек являются православными и атеистами.

Национальный состав опрошенных выглядит следующим образом. Часть респондентов отнесли себя к полякам, часть к белорусам-католикам. Единично представлены представители литовского этноса. В случае с поляками устойчиво прослеживается линия прекращения использования польского языка в повседневной жизни: «Первые поляки – переселенцы, знали польский язык. Последующие уже не знали» [2]. В результате процесса ассимиляции польское население постепенно перенимало белорусский язык, а польский сохранялся благодаря религиозной жизни. В д. Дудичи Чечерского р-на «на польском языке мало кто разговаривал (в основном только молились на польском)» [3]. Аналогичная картина наблюдалась и в д. Забродье Лельчицкого района, здесь население разговаривало «Па-простаму. Маліліся толькі па-польску» [4].

Не смотря на ассимиляционные процессы в этнокультурной сфере, между католиками и православными сохранялись отличия в соблюдении некоторых ритуалов и обрядов. Например, в д. Буда-Люшево «на иконы набожники (рушники) не вешали – считалось, что так Богу закрывают глаза. Саму икону никогда не вешали в угол, это точно» [5].

Ключевую роль в религиозной жизни католиков играли посещение костелов и каплиц. Как вспоминает Ковалькова Анастасия Францевна из д. Рудня Нисимковичская «Родители мои были верующими и не пропускали ни одного свята, чтобы не пойти в каплицу. В двадцати километрах от нашей деревни в районном центре Чечерске был костел «Святого Антония» и ксендз по святам приезжал к нам в каплицу. Как мы ждали святав, чтобы к нам приехал ксендз, услышать науку, что говорил нам ксендз» [6].

В некоторых состоятельных семьях для поездок в костел имелся и отдельный транспорт: «По праздникам выезжали в костел, в Антуши, километров 10-12 от Чертежа. Повозка для поездки в костел было нерабочая, выездная. Конь, на котором выезжали в костел, на работах не работал, кормили его отборным овсом. В костел ездили всей семьей, вместе с детьми. Устраивали гоны – кто первее доедет до костела, это считалось в почете» [7].

При посещении костела соблюдался и своего рода «дресс-код». Как вспоминает Завадская Мария Ивановна в д. Дуброва Жлобинского района для повседневной работы была «простая одежда», «а уже как идти в костел, то - «под шляпу», хорошо одевались и шли. До костела могли идти босыми, в костел шли в туфельках. Закрывали лица, так были загоревшими» [8].

Некоторые респонденты в деталях описывают красочные богослужения: «Был праздник летом, обходжение. Идет процессия, маленькие дети перевязаны ленточками, на боку кошик, в нем лежат лепестки цветов. Дети шли и бросали лепестки цветов под ноги, по сторонам. Ксендзы несли процессии с черными лентами. Все кругом разукрашено лентами, цветами» [7].

Особое внимание католики уделяли религиозным праздникам. К ним тщательно готовились: «Должен был убран весь дом, делались все украшения к иконам, любая иконка, любое распятие, даже изображения из журналов ценились и сразу же воздвигались на маленький престол возле икон» [9]. Естественно, что в эти дни было категорически запрещено работать [10].

В Антушах по воспоминаниям Романенко Франтишки Францевны «15 августа <...> был престольный праздник «Фэст»; приезжали отовсюду родственники, всех угощали, играл духовой оркестр, приезжала «лавка», где продавали разные сладости. В костеле было обходээнне» [11].

Если посещение костелов и религиозные праздники это были не рядовые события, то в повседневной жизни большую роль играли молитвы. Молились «дома каждый день на коленях на ночь и утром, до еды и после еды молились обязательно всей семьей и на польской мове. Мать старалась прививать эту веру всем: в семье, в деревне и среди родственников, настолько была верующая сама, что не могла спокойно относиться к остальным. В доме было очень много икон, молитвенников на польской мове. Потом, при раскулачивании, все иконы и молитвенники были изъяты» [9]. Среди конкретных молитв респондент из Дудич вспоминает: «Ойче наш», «Вітай Марыя», «Веру у адзінага Бога» [3].

Так же в повседневной жизни уделялось внимание религиозному воспитанию детей: «С дзетства нас учылі уважаць Езуса, старшых, слухацца, што людзі добрыя кажуць, любіць хлеб і ўсё тое, што дае нам зямля. Так і раслі» [12].

Естественно, что советская власть, которая пропагандировала атеистическое мировоззрение, не могла примириться с таким ревностным культивированием религиозных обрядов среди польского населения. В рамках советизации поляков развернулась широкая антирелигиозная кампания.

В первую очередь дни религиозных праздников были превращены в рабочие: «к религии и к тем, кто верил, власти относились с усердной жестокостью, старались, чтобы верующие работали в праздничные дни и в воскресенье. Верующие старались уйти из дома и спрятаться где-нибудь, чтобы не идти на работу». Кроме того во время поста власти устраивали «развлекательные мероприятия: танцы, кино и т.д., включали на всю громкость репродукторы (громкоговорители), из которых звучала музыка с песнями» [13].

Особое внимание уделялось атеистическому воспитанию детей и молодежи, как результат «в школе, когда узнавали, кто «хрестил» пасху или красил яйца, то вызывали к директору. Поэтому яйца крашеные ели тайком в школьном туалете» [9]. По воспоминаниям Жуковской Юзефы Антоновны «учителя учили усякаму, говорили нам подходить пад икону и говорить: «Сорвем мы черту роги, а Богу бараду» [14].

Колоритный случай вспоминает Гулевич Анелия Ивановна: «Был урок пения. Я хорошо пела и всегда запевала. Когда начинался пост, я боялась греха и не пела. Говорила – пост, нельзя! Учительница ставила мне единицу за пение. Так было всегда. Когда заканчивался пост, я по-прежнему пела и мне ставили оценки «5» [15].

Не ограничиваясь атеистическим воспитанием в школе и воздействием репродукторов на взрослое население власти начали вмешиваться в личную жизнь верующих, проводили обыски и конфискации: «приходили в дом и если находили иконы или религиозную литературу, то все это забирали и сжигали» [16]. Аналогичная ситуация была и в Петриковском р-не: «Хадзілі, іконы палілі, кнігі забіралі. У нас дома была адна кніжачка, але нават я не знала, дзе яна ляжыць, каб не прагаварыцца случайна <...> А ўласць не глядзела ні на голад, ні на холад. Усё шнырыла, каб ніхто не збіраўся, каб не маліліся. Часта прыходзілі ў дом і шукалі іконы. Ужо ўсё павыносілі, а ўсё роўна шукалі» [12].

Следующее важное направление борьбы с религией – это закрытия культовых сооружений РКЦ. Так, в Рудне-Нисимковичской «разрушали каплицу по решению сельсовета. Говорили, что это темнота, одурманивание народа, что советская власть несет свет людям, освобождает от пут религии. Каплицу переделали под аптеку (отвезли бревна в Нисимковичи). Из часовни в деревне сделали магазинчик, в 70-х пустили на растопку нового магазина <...> Была фисгармонь («орган»), тоже выбросили в канаву. Колокол тоже пропал» [17].

Ценные сведения дают респонденты о сносе костела в Гомеле. Дело в том, что до настоящего момента исследователями так не выявлены архивные материалы, позволяющие предметно говорить об обстоятельствах ликвидации Гомельского костела. Николаенко Ревека Ханоновна, 1925 г.р. вспоминает, что «После 36-го – 38-го года его уже не было. Его еще до войны снесли. На его месте потом была площадка, пустырь, вроде бы цирк приезжал» [18].

По данным Маевской Антонины Павловны костел был взорван еще до войны, при чем «взрыв был настолько сильным, что в доме тряслись стены и казалось, что крыша вот-вот рухнет» [19].

Репрессии в отношении верующих-католиков носили преимущественно национальную окраску. Достаточно упомянуть т.н. дело «ПОВ» (Польская организация войсковая) 1933 г., а также польскую операцию НКВД 1938 г., когда по обвинению в шпионаже в пользу Польши были арестованы тысячи поляков в БССР [20, с. 302, 303, 336]. Вместе с тем, мотивы для лишения свободы носили нередко и религиозную подоплеку. Поводом для ареста могли быть самые разные обстоятельства: контакты с ксендзом, наличие в доме религиозной литературы и т.д. Например в д. Грушевка «у 1938 годзе забралі па лініі НКВД Віткоўскага Івана Адамавіча за тое, што вазіў ксяндза ў Хабное. На трэці дзень яго растралялі ў Мазыры» [21]. В д. Рудня Нисимковичская по воспоминаниям Ковальковой Анастасии Францевны «когда забрали отца, то так обыскивали, все швыряли, каждую тряпку трусили. Нашли молитвенник на польском языке и это для них было достаточно, чтобы судить» [6].

В результате такой политики деятельность официальных структур РКЦ была прекращена и религиозная жизнь ушла в подполье. Привычными стали меры конспирации. Как вспоминает Марковский Николай Карлович в д. Дубницкое Лельчицкого р-на «Люди тайно собирались на молитвы по пятницам, по праздникам на дому небольшими группами, в основном на хуторах, потому что их выслеживали комсомольцы. Библию, молитвенники, иконы и другую литературу прятали в тайных местах» [22].

Лишившись молитвенных сооружений, духовенства и, невзирая на атмосферу тотального преследования, верующие католики по-прежнему упорно придерживались своих традиций и продолжали тайно совершать самые необходимые обряды. Чаще всего это крещение и отпевание. Житель д. Антуши Мицкевич Мария Ивановна вспоминает: «Калі ксяндза ня было, я малілась, па ксёнжках, у мяне ксёнжкі ёсць. Прыглашалі ў хату, я прыходзіла і начавала там, і малілася ўсё врэмя. Абразік у рукі пакойнаму даю. Калі чалавек маліўся з ружанцам, ружанец на руку закручваю» [23]. По данным Жолтак Владимира Марьяновича в д. Чертеж наблюдалась похожая картина: «Все обряды в деревне проводили бабки: и лечили, и роды принимали, и крестили, и отпевали <...> Моя теща Сабина сама крестила всех моих детей и внуков - это называлось «крещение на воде» [24]. При этом следует отметить, что ни об одном факте венчания без ксендза респонденты не упоминают.

Оказавшись в крайне неблагоприятных условиях для существования, представители разных конфессий нередко шли на сотрудничество ради общего блага: «Молились каждый вечер и каждое воскресенье, все вместе – и православные, и католики. Детей крестили в церквях, так как костелов уже не было» [25; 26]. Аналогичные случаи зафиксированы в материалах делопроизводства партийно-советских органов и по другим регионам БССР в 1930-х гг. [20, с. 303].

Особенно точно воспоминания передают эмоциональную составляющую жизни тех лет. Они позволяют почувствовать атмосферу сталинской эпохи, понять в каком состоянии находились люди. В первую очередь нельзя не обратить внимание на атмосферу страха и недоверия: «Каждый молился у себя дома, как знал и как умел, никто свою веру не афишировал и особо не делился со всеми» [27].

Очень колоритный сюжет на эту тему вспоминает уроженец д. Сеножатки Граховский Михаил Адамович: «Былі кнігі, я помню на чардаку, калі мае цёткі вучыліся, там столькі кніг было. Была Біблія і Евангелія, тоўстыя такія, кажацца, яны былі па-руску. У 1937 годзе, калі бралі мужыкоў, выяўлялі прэдацельства, врагоў народа, то бацька пабаяўся, што калі іх найдуць, то пасадзяць, сняў усе кнігі і спаліў» [28].

Таким образом, использование воспоминаний верующих позволяет дополнить картину антирелигиозной советской политики, которая сформировалась благодаря введению в научный оборот материалов делопроизводства партийно-советских органов.

Источники и литература

1. Васькоў, Ул. Каталіцтва ва ўсходняй Гомельшчыне / Ул. Васькоў // ARCHE «Пачатак». – 2007. – № 12. – С. 127–147; Васькоў, У.І. Католікі на абшарах Панізоўя і Севершчыны : Гісторыя Гомельскага дэканата / У. Васькоў ; навук. рэд.: А.В. Белы, В.С. Пазьнякоў. – Мінск : Про Хрысто, 2011. – 360 с.; Лебедев, А.Д. Пичуков В.П., Лясковски С. кс. Костел и власть на Гомельщине (20–30-е годы XX в.) – Варшава ; Люблин ; Гомель : IPN-IESW, 2009. – 470 с.; Сідоранка, В.М. Вобраз касцёла на старонках газеты “ORKA” ў 1920-я гг. // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 450-годдзю віцебскага гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі зборніка “Полоцко-Витебская старина”, Віцебск, 6-7 кастрычніка 2011 г./Віц.

- дзярж. ун-т; рэдкал.: А.М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М.Машэрава”, 2011.- с.169-172; Конфессии на Гомельщине (20-30-е годы XX в.) : документы и материалы / сост. М.А. Алейникова, З.А. Александрович, А.Д. Лебедев, В.П. Пичуков [и др.] ; под ред. В.П. Пичукова – Минск : НАРБ, 2013. – 388 с.
2. Ясинский Антон Францевич, 1939 г.р., д. Любавин.
 3. Сердюкова Янина Иосифовна, 1926 г., г.р., д. Дудичи (Чечерский р-н). Опрос 2009 г.
 4. Ренчинская Анастасия Александровна, 1921 г.р., д. Забродье Лельчицкого района. Опросила А.Хомутовская. 2012 г.
 5. Козловская Нина Кирилловна, 1930 г.р., д. Б-Люшево. Опросила Е.Трубчик. 2003 г.
 6. Ковалькова Анастасия Францевна, 1923 г.р. Рудня Нисимковичская.
 7. Жолтак Александра Иосифовна, 15.09. 1926 г. д. Чертеж. Опросил Жолтк С.Н. 2010 г.
 8. Завадская Мария Ивановна, 1933 г.р., д. Дуброва Жлобинского района. Опросили И.Чекан, 2007 г., В.Сеноженская, 2012 г.
 9. Гулевич Анна Ивановна, д. Рудня-Столбунская, 1924 г.р. Опрос 2009 г.
 10. Малиновская Анна Яновна. 1937 г.р., д. Грушевка Наровлянского района. 2009 г.
 11. Романенко Франтишка Францевна (Залеская), 1915 г. р., д. Антуши Жлобинского района. Опрос 2009 г.
 12. Русовіч Юзэфа Францаўна. 1924 г.р. д. Лучицы Петриковского района. Опросила А.Беляева, 2012 г.
 13. Гулевич Александр Адамович, 1939 г.р., п. Гацкое Нисимковичского сельского совета.
 14. Жуковская Юзефа Антоновна, 1923 г.р. Гомельская область р-н Копаткевичи Лучицкий сельский совет, д. Беседы. Опросила Масло Е., 2011 г.
 15. Гулевич Анелия Ивановна, 1933 г.р., д. Рудня Нисимковичская Чечерского р-на.
 16. Сапранкова Ирина Викентьевна, 20 сентября 1950 г.р., д. Антуши. Опросила Ю. Жолтак, 2012 г.
 17. Гулевич Кузьма Николаевич, 1928 г.р. Рудня Нисимковичская.
 18. Николаенко Ревека Ханоновна, 1925 г.р., г. Гомель. Опросил С. Веремеев. 2010 г.
 19. Маевская Антонина Павловна, 1931 г.р., белоруска, православная. г. Гомель.
 20. Протьюко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протьюко. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.
 21. Лісоўскі Леанід Іванавіч. д. Грушевка, Наровлянского р-на. 2009 г.
 22. Марковский Николай Карлович, д. Дубницкое Лельчицкого р-на. 2010 г.
 23. Мицкевич Мария Ивановна, 1924 г.р., Антуши. 2009 г.
 24. Жолтак Владимир Марьянович, 1930 г. д. Чертеж. 2012 г.
 25. Горская Альбина Антоновна, 1932 г.р., д. Подосовье Чечерского р-на.
 26. Хамутовская Анастасия Ильинична, 1927 г.р., д. Забродье Лельчицкого р-на. Опросила М.Шур, 2012 г.
 27. Пархомович Людмила Николаевна, 1950 г.р., д. Чертеж. Опросила Ю.Жолтак, 2012 г.
 28. Граховский Михаил Адамович (Адольфович), 1928 г.р. д. Сеножатки Рогачевского района. Опросил И.Чекан. 2007 г.